

Глава 1: Год, когда он ушёл

—

Тридцать пятый год правления Кайдэ. Июль. Утренние сумерки отступили от стен дворца, и яркий солнечный свет хлынул вниз, знаменуя окончание утреннего суда.

Ряд чиновников, одетых в парадные халаты и держащих таблички-ху*, выходили из главного зала.

[*Табличка Ху (匚, hù) – это церемониальный предмет, который использовали китайские чиновники и придворные, когда они представляли перед императором или участвовали в официальных церемониях и аудиенциях. Ху использовалась как своего рода «блокнот» или «шпаргалка». На ней чиновники записывали свои заметки, ключевые пункты доклада императору. Высокопоставленные чиновники использовали таблички из нефрита или слоновой кости. Чиновники более низких рангов могли использовать таблички из бамбука или других видов дерева.]

Придворные мантии были многослойными и громоздкими. В сгущающемся, душном воздухе на спинах чиновников уже выступил пот.

К счастью, сегодня завершилось дело о контрабанде соли на юго-востоке. Чиновник, руководивший этим делом, справился блестяще, и Император был чрезвычайно доволен.

Хотя повышение не коснулось их самих, но когда человек на Драконьем Троне счастлив, собрания для всех министров проходят легче.

В это время чиновники, разбившись по трое-пятеро, тихо переговаривались, обсуждая, стоит ли после работы отправиться в павильон Анхуа, чтобы попробовать новые фрукты, или в павильон Ханьтянь, чтобы насладиться прохладой и льдом.

Не успев прийти к решению, мимо пронёсся порыв свежего ветра, и высокая, крепкая фигура быстро прошествовала сквозь толпу.

«Господин Ци оказал помощь Герцогу в надлежащем разрешении дела о контрабанде соли. По его завершении он не только получил личную рекомендацию от Герцога, но и Император выразил ему своё восхищение, сразу переведя его с должности инспектора по соляным пошлинам пятого ранга в местной префектуре в Министерство чинов. Ему всего около тридцати, его будущее безгранично!»

«Такой успех, но на лице ни намёка на улыбку. Нынешняя молодёжь – совершенно непонятно, что у них на уме».

Несколько чиновников смотрели вслед удаляющемуся человеку высокого роста.

У него были высокие брови и красивое лицо, но вместо ликующего вида его брови были нахмурены тенью неразрешимой печали, что делало его недоступным.

«Эх, мне вдруг вспомнилось, я слышал, что фулан господина Ци не очень здоров, кажется, он уже на последнем издыхании. Не знаю, правда ли это?»

«Это не слухи. Резиденция господина Ци находится в том же переулке, что и моя, и я часто вижу, как к ним приходят врачи. Он всегда вежливо лично провожает доктора за ворота, и его лицо каждый раз не выглядит расслабленным или радостным».

«Он проделал такой путь с провинции, но даже добившись нынешнего положения, он остаётся верен своей больной жене. Это действительно преданный человек...»

Ци Бэйнань вышел из Императорского города и у Восточных Ворот пригнулся, чтобы сесть в повозку.

Его только что повысили, и Император, в знак признания его усердной работы по соляному делу, разрешил ему явиться в Министерство чинов для вступления в должность только через три дня.

После окончания суда ему не нужно было, как другим чиновникам, ехать на службу для выполнения обязанностей.

Хотя ему не нужно было работать, он должен был посетить резиденцию Герцога Цзин, поскольку Герцог оказал ему покровительство в деле о соли.

Но Ци Бэйнань поднял подбородок и попросил извозчика сначала ехать к его дому.

Его мысли были заняты другим человеком, и у него не было никакого желания заниматься дворцовыми интригами.

Вчера ночью Сяо Юаньбао кашлял и тяжело дышал почти всю ночь, и только под утро ему удалось заснуть. Видя его всё более истончающееся тело и бледное лицо, Ци Бэйнань всю дорогу на утренний суд был полон тревоги.

За эти месяцы приходило много врачей, но ни один диагноз не был обнадеживающим. Он в панике чувствовал, что всё это похоже на мрачный и сырой кошмар.

Ци Бэйнань, запертый в маленькой повозке, испытывал неконтролируемое беспокойство и раздражение. Он поднял занавеску и поторопил извозчика.

К тому времени, как он доехал от дворца до ворот своей резиденции, его исподнее было насквозь мокрым от пота.

Ци Бэйнань вышел из повозки с опущенным взглядом, полный тяжёлых мыслей. Как только его ноги коснулись земли, его нос уловил тонкий аромат мяты и орхидеи.

На его лоб опустился аккуратно сложенный платок, осторожно вытирая капли пота.

«Погода становится жарче, а в повозке тоже тесно. Наконец-то привезли ту новую повозку, которую мы заказывали. Смотри, окна в ней намного больше, чем в этой. Тебе не будет так душно, когда будешь ехать во дворец».

Ци Бэйнань поднял глаза и встретил пару мягких, сдержанных глаз.

Внешность Сяо Юаньбао не была изысканной или потрясающей.

У него были мягкие волосы, светлые брови, и он был похож на того, кто умеет вести домашнее хозяйство и с кем легко и комфортно.

Говорил он неторопливо и спокойно, умиротворяя окружающих.

Вот только болезнь сделала его невероятно худым.

«Ты...»

Ци Бэйнань на мгновение потерял дар речи от изумления.

Он смотрел, как этот человек, аккуратно одетый и даже со слегка порозовевшим лицом, с любовью вытирает его пот. Это было полной противоположностью тому слабому, едва живому виду, который он видел, когда уезжал утром на суд.

Ци Бэйнань почувствовал себя сбитым с толку и протянул руку, чтобы схватить запястье перед собой.

Если бы не это запястье, обтянутое кожей и костями, которое, казалось, можно сломать небольшим усилием, Ци Бэйнань подумал бы, что время вернулось к тому моменту, когда он только начал свою карьеру.

Тогда Сяо Юаньбао был ещё в хорошем расположении духа, и каждый день встречал его, выглядывая за ворота, как сейчас.

Они всегда шли домой вместе, радуясь. Ци Бэйнань рассказывал о незначительных событиях на службе, а Сяо Юаньбао — о домашних мелочах.

Увидев Сяо Юаньбао таким бодрым и вставшим с постели, Ци Бэйнань испытал неопишемую радость, но в его сердце затаилось недоброе предчувствие.

Сяо Юаньбао, видя его удивлённое и встревоженное выражение, улыбнулся и сказал: «Новый доктор, которого мы нашли, оказался очень умелым. Мне стало намного лучше после того, как я выпил то лекарство, что ты сварил сегодня утром».

«Я не только почувствовал прилив сил, но и легко смог встать и ходить. Я послал людей на кухню рано утром, чтобы купить свежих овощей, и приготовил несколько твоих любимых блюд».

Он медленно произнёс: «Я давно не заходил на кухню, не знаю, разучился ли, но ты зайди и попробуй, скажешь, вкусно или нет».

Ци Бэйнань, услышав об улучшении, хотел сразу расспросить о здоровье, но узнав, что тот не только встал с кровати, но даже готовил, не мог не встревожиться.

В эти дни не было никакого нового доктора, и лекарство было тем же, что и раньше.

Ци Бэйнань заставил себя улыбнуться, взял холодную руку Сяо Юаньбао и сдерживая комок в горле, сказал: «Тогда сегодня мне повезло».

Он взял его за руку и пошёл к дому: «Я так долго был на службе, что мой живот давно пуст. Давай вымоем руки и сразу поедем».

Ци Бэйнань переделся в лёгкую повседневную одежду и вышел.

На резном круглом столе из персикового дерева уже стояла еда.

Тарелка с холодной белой свининой с соусом, тарелка с нежными молодыми побегами бамбука с солёной горчицей, и тарелка баклажанов, тушенных с горькой луковицей.

Плюс ко всему, был тофу, заправленный кунжутным маслом, и острая маринованная дикая финиковая слива.

Это были простые домашние блюда, которые они часто ели, когда он служил в провинции.

Ци Бэйнань вытер руки, сел за стол, и в его глазах блеснули слезы.

Он не смел поднять глаза на Сяо Юаньбао, и его голос был сдавленным.

«Я так давно хотел съесть солёную горчицу, но на кухне её никогда не готовили».

Сяо Юаньбао собирался что-то сказать, но не смог сдержать кашель.

Он поспешно прикрыл рот платком, сдерживая лёгкий кашель.

Когда платок отодвинулся от его губ, на нём расцвёл бросающийся в глаза кровавый цветок гибискуса.

Он спокойно сжал платок, спрятал его в рукав, остановил человека, который хотел погладить его по спине, и мягко сказал: «Тогда поешь сегодня побольше, я буду готовить тебе её чаще».

«Эта солёная горчица хорошо засолена, из лавки семьи У на севере города. Впервые покупаю у них, посмотрим, какой вкус. Если хорошая, будем покупать у них и впредь».

Сяо Юаньбао положил палочками в тарелку Ци Бэйнаня горчицу с побегами бамбука. Кончики бамбука были отрезаны, и оставшаяся половина была особенно нежной и хрустящей.

Ци Бэйнань съел и овощи, и рис. Еда была такой же вкусной, как обычно, но для него она была безвкусной, как воск: «Вкус хороший, но всё же немного хуже, чем та, которую мы сами засаливали, когда были в Линьчжоу».

Сяо Юаньбао сказал: «Когда будет время, купим свежих овощей и засолим сами. Я видел на кухне два больших пустых кувшина, которые не используются».

Ци Бэйнань знал, что, возможно, этого времени больше не будет, но, услышав слова Сяо Юаньбао, он почувствовал, что их жизнь по-прежнему спокойна: «Хорошо, я пойду с тобой».

Сяо Юаньбао улыбнулся: «Ты только что получил повышение, откуда у тебя время на такие мелочи?»

«Сельское хозяйство — это основа жизни, а еда и питьё — самое важное, как это может быть мелочью? Даже если у меня нет времени, я найду его, тем более, что мне нравится ходить за покупками с тобой».

«Хорошо, пусть будет по-твоему».

Сяо Юаньбао подумал: «Но придётся выбрать выходной, чтобы пойти, потому что нужно рано утром идти на рынок, чтобы выбрать самое свежее, а если пойти после работы, то хороших

овощей уже не останется».

Ци Бэйнань положил в миску Сяо Юаньбао веточку овощей: «Эти несколько дней у меня выходные, разве не подходящее время?»

Они обменялись улыбками.

Таким образом, они, не обращая внимания на застольный этикет, обсудили, что будут есть, что покупать и что использовать в течение этих трёх выходных дней, и только после долгого обеда их планы были утверждены.

После еды, чувствуя сонливость, они отправились во двор, чтобы насладиться прохладой.

После полудня солнце светило ярко.

Бананы, стоящие у стены заднего двора, были густо-зелёными с большими листьями, а два ряда зелёного бамбука отбрасывали пятнистые тени.

Ци Бэйнань медленно обмахивал веером Сяо Юаньбао, который полулежал в кресле-качалке.

Вместе они смотрели на яркие бутоны кувшинок, что росли в чане, стоявшем в беседке.

«Говорят, это южный сорт, он очень легко цветёт. Раньше я не верил, когда видел на улице его жёлтые и увядшие листья».

Сяо Юаньбао повернул голову к Ци Бэйнаню: «Раз листья были жёлтые и увядшие, почему ты принёс его?»

«Я увидел, что это был прилавок одной старушки, потратил несколько медяков и купил один стебель, думая, что принесу его, чтобы ты его выходил».

Глаза Сяо Юаньбао слегка изогнулись.

«Я не умею обращаться с цветами и травами. Я просто попросил людей набрать воды и поливать его, а он сам по себе хорошо растёт».

«Ты говоришь, что не умеешь. Когда мы переехали в этот сад, на заднем дворе были только несколько искусственных гор с сорняками и грязная лужа. Теперь вода чистая, а цветы красные. Разве это не значит, что ты умеешь?»

«Господин Ци всегда умеет делать комплименты».

Сяо Юаньбао смотрел на зелёный летний пейзаж и неторопливо разговаривал с Ци Бэйнанем.

Хотя они были вместе почти десять лет, он думал, что таких послеполуденных часов, таких дней, действительно не хватит и на всю жизнь.

Многие жёны чиновников в столице смеялись над ним, говоря, что он не разбирается в поэзии и книгах, и что он глупец.

Но внезапно он, казалось, понял глубокое и прекрасное значение четырёх иероглифов, означающих «быть вместе всю жизнь», написанных на страницах книг.

Он думал с улыбкой на губах, что, возможно, он не такой уж глупый, как говорят эти люди. Как только он это понял, толстый слой мрака, затаившийся в его груди, внезапно рассеялся.

Вот только его тело внезапно стало каким-то невесомым, и он почувствовал сильную усталость, как будто его охватила непреодолимая сонливость.

Если бы он мог понять это раньше, меньше тревожиться и думать, возможно, его и без того хрупкое тело не дошло бы до такого состояния.

«Через пару дней я куплю ещё цветов и травы, чтобы сделать этот сад ещё пышнее, и тогда нам будет ещё комфортнее отдыхать вместе».

«Но что выбрать?»

«Жасмин? Или магнолию? Может быть, всё-таки жасмин? Он ароматный и отпугивает комаров».

Ци Бэйнань продолжал медленно говорить, как неторопливый старый учёный.

Через некоторое время, заметив, что Сяо Юаньбао не отвечает, он опустил глаза на кресло-качалку.

«Сяо Бао*».

[*Здесь используются разные «Сяо»: Сяо Юаньбао – здесь Сяо это фамилия (肖, xiào) почтительный, строгий, торжественный; Сяо Бао – здесь Сяо это маленький (小, xiǎo) способ обратиться к кому-то ласково.]

Ци Бэйнань осторожно позвал его.

Человек в кресле-качалке нежно закрыл глаза. Два ряда ресниц отбрасывали тень на его веки.

Он выглядел умиротворённым, словно спал, но был так тих, что нельзя было почувствовать ни малейшего признака жизни.

Ответом на слова Ци Бэйнаня был только шелест ветра в саду.

Веер в руке Ци Бэйнаня внезапно упал на землю.

Он прекрасно знал, что всё, что произошло сегодня, было последней вспышкой перед концом, но когда это произошло наяву, он всё равно потерял рассудок.

Кошмар всё-таки стал реальностью.

Ци Бэйнань упал на колени, уткнувшись лицом в грудь мирно лежащего в кресле-качалке Сяо Юаньбао. Его спина дрожала, и он бормотал умоляющим голосом.

«Сяо Бао...

Не уходи, не уходи... Если ты уйдёшь, у меня больше не будет дома...»

Солнечный свет оставался ярким, тени бамбука мерцали в танце.

В тот год, в тот полдень, Сяо Юаньбао, которому было всего двадцать с небольшим, превратился в порыв летнего ветра, который коснулся его висков и улетел.

...

Треск петард, пронсящийся через переулки, пересекающий белые стены и синие черепичные крыши, достиг ушей человека в комнате.

Во время Нового года зажигают петарды, чтобы отогнать Нянь Шоу* и молиться о благословении на грядущий год; во время дней рождения и свадеб зажигают петарды, чтобы добавить радости и оживления.

[*Нянь Шоу (年兽, Nián Shòu) — это мифологическое чудовище из древних китайских легенд, чье имя буквально означает «Чудовище Года». Его часто описывают как свирепого зверя, иногда похожего на льва с острыми рогами на голове. Считалось, что Нянь жил глубоко в горах или под водой, но каждый год, в канун Нового года (последний день двенадцатого месяца по лунному календарю), он выходил из своего убежища. Он нападал на деревни, устраивал беспорядки, пожирал скот, урожай и, самое страшное, людей (особенно детей). Однажды люди

обнаружили, что Нянь Шоу больше всего на свете боится красного цвета, яркого света и громкого шума/грохота. Таким образом, петарды зажигают для того, чтобы отпугнуть злого Нянь Шоу и благополучно перейти в новый год.]

И когда человек умирает, также зажигают связку петард.

С тридцати лет Ци Бэйнань больше не мог слышать звуки петард.

Взрывающиеся петарды, их бушующий звук, всегда распахивали сердце, которое уже стало мёртвой водой.

Они заставляли его вспомнить грохот гонгов и петард в тот день, когда тот человек ушёл из жизни.

Хотя прошло много лет, то чувство, которое заставило его тогда упасть на колени, могло снова наполнить его конечности, лишая его всяких сил, казалось, что всё происходит снова.

Многие годы после тридцати лет он почти оцепенело перемещался, помогая Императору разрешать проблемы.

Он был любимым чиновником народа, достойным доверия заслуженным министром двора, и никто не осмеливался зажигать петарды, которые он не любил, перед его глазами.

Когда отчётливый звук петард снова достиг его ушей, Ци Бэйнань не мог не удивиться, откуда этот звук.

Немного подумав, он понял, что, возможно, эта связка петард была зажжена для него.

Он постарел, его виски поседели, глаза были полны следов страданий, и он уже долгое время лежал на больничной койке.

Когда он был в сознании, он поручил всем своим ученикам, что, когда он умрёт, они могут зажечь для него связку петард.

В его возрасте и с его телом, то, что он внезапно умер, лёжа в постели, не было чем-то необычным.

И он не сожалел. В конце концов, в тот год, когда тот человек ушёл, он уже потерял всякую привязанность к этому миру.

Вот только, как же он может слышать звук петард, зажжённых для него после его смерти?

Ци Бэйнань не мог понять. Знакомая тупая боль в груди, вызванная звуком петард, заставила его машинально поднять руку, чтобы прикрыть её.

Когда его ладонь коснулась груди, он внезапно открыл глаза.

Внезапно он с тревогой обнаружил, что находится в тёмной маленькой комнате, лёжа на маленькой деревянной кровати.

При тусклом свете, проникающем через оклеенное бумагой окошко, он увидел старый длинный стол.

На нём лежали высокие стопки потрёпанных книг, а также низкосортные кисти из свиной щетины и некачественный чернильный камень.

В голове старого человека было слишком много воспоминаний. Ци Бэйнань замер на мгновение, прежде чем вспомнил, что это был маленький дом, в котором он жил со своим отцом в уезде Цю, когда был молод.

Подумав об этом, он медленно поднял обе руки. Это были длинные, тонкие руки с упругой кожей, ещё не полностью выросшие.

Он слез с кровати и увидел пару тканевых туфель у изголовья, размером всего пять-шесть цуней*.

[*Цунь — это традиционная китайская мера длины, один цунь равен 1/30 метра или примерно 3,33 см.]

Ци Бэйнань вдруг кое-что осознал.

Он поспешно открыл дверь. С сопутствующим скрипом ему в лицо ударил порыв пронизывающего ветра, от которого его штанины зашуршали. Ясное ощущение дало ему понять, что это не сон.

Петарды за пределами двора всё ещё звучали. Приближался Новый год.

Праздничная атмосфера в уезде всегда начиналась раньше и была более насыщенной, чем в деревне.

«Отец!»

Ци Бэйнань взволнованно позвал и побежал на другую сторону маленького двора.

Два белых фонаря, которые он увидел под карнизом, заставили его радостное сердце медленно остыть.

Двор был безлюдным, покрытый слоем зимнего уныния. Кроме пронизывающего ветра, когда петарды снаружи стихли, было так тихо, что можно было услышать только его собственные шаги.

Если он не ошибается, сейчас должен быть пятнадцатый год правления Кайдэ, когда ему десять лет.

В тот год его отец, с которым он жил, скончался. Он сам занимался похоронами и жил здесь один, соблюдая траур по отцу.

Изначально они с отцом были не из уезда Цю. Ци Бэйнань переехал сюда из деревни Юньшуй в Цзянчжоу, когда ему было пять лет.

Отец Ци был образованным человеком, который когда-то сдал экзамен на Сюцай* и зарабатывал на жизнь.

[*Сюцай (秀才, xiùcái) – обладатель первой степени, экзамен проводился в региональных центрах (уездах) ежегодно.]

В начале правления Кайдэ, вскоре после того, как новый Император взошёл на трон, он придавал большое значение учёным. Даже учёные, занимавшие незначительные должности, получали щедрые почести от двора.

Им давали не только землю, но и ежемесячное жалование.

У отца Ци не было больших амбиций. После женитьбы он открыл частную школу в деревне, зарабатывая на жизнь преподаванием.

Они жили счастливо. Супруги любили друг друга, и их уважали односельчане.

К сожалению, жизнь непредсказуема. На пятом году правления Кайдэ родился Ци Бэйнань, и его мать умерла при родах. Отец Ци был убит горем.

Семья жены воспользовалась слабостью маленького сына, пытаясь выдать за него младшую сестру его матери в качестве второй жены.

Такое случалось часто.

Но отец Ци хорошо знал, что при жизни жены её родители не были к ней добры, а после замужества часто приходили к ним, чтобы потребовать еды, одежды и денег.

Ещё до того, как гроб матери Ци был опущен в землю, её родители заговорили о повторном браке.

Это было не похоже на заботу о маленьком ребёнке, а скорее на жажду благосостояния семьи Ци, не желая, чтобы их богатство ушло в чужие руки.

Отец Ци был преданным человеком, он не думал о второй женитьбе, и даже если бы и подумал об этом ради ребёнка, он бы никогда не выбрал сестру покойной жены.

Он всегда был терпимым, но в этом вопросе он решительно отказал родителям жены.

Однако семья жены не отказалась от своих намерений и часто приходила, чтобы навязчиво приставать.

Так продолжалось пять лет. Отец Ци не мог больше терпеть. Видя, что ребёнок уже подросток, он решил продать имущество тайно, взял Ци Бэйнаня и переехал далеко в уезд Цю, чтобы разорвать связь с ними.

В уезде Цю у них не было родственников или друзей, но зато было спокойно.

Отец Ци продолжал преподавать и зарабатывать на жизнь, а Ци Бэйнань под его влиянием прочитал много книг.

В тот год, после смерти отца Ци, семья из деревни Юньшуй каким-то образом узнала об этом и приехала.

Они думали, что Ци Бэйнань молод и им легко манипулировать. Они льстиво заявили, что узнали о смерти его отца, пожалели, что он стал сиротой, и специально приехали, чтобы присмотреть за ним, но на самом деле их целью было захватить двор.

Ци Бэйнань рано повзрослел, и, хотя они переехали в уезд Цю пять лет назад, он никогда не забывал причину, по которой они с отцом переехали, и вежливо попросил их уйти.

Увидев, что он не поддаётся на уговоры, семья родственников жены показала своё истинное лицо.

Они указывали на поминальную табличку его отца и ругали его, говоря, что он погубил их дочь и вину за то, что младшая дочь, засидевшись в невестах, не вышла замуж, он тоже должен искупить, требуя компенсации.

Они устраивали скандалы и отказывались уходить.

Ци Бэйнань в гневе доложил властям. Его отец был Сюцаем и учителем, и имел хорошую репутацию в этих местах.

Уездный судья понял суть дела, и хотя пожалел ребёнка, но «честному чиновнику трудно разобраться в семейных делах».

Они не совершили ничего серьёзного, разве что были жадными и назойливыми. Самое большее, что можно было сделать, это выгнать их обратно в Цзянчжоу.

После этого инцидента Ци Бэйнань тоже покинул уезд Цю. Он преодолевал горы и реки, ища знания.

В семнадцать лет он сдал экзамен на Цзюйжэнь* и в двадцать лет получил чиновничью должность.

[*Цзюйжэнь (舉人, jǔrén) — обладатель второй степени, присуждаемой на провинциальном уровне раз в три года.]

В тот год он решил, что, поскольку он уже состоялся, пора жениться.

Имея при себе обручальный дар, он отправился искать Сяо Юаньбао, с которым был обручён с детства.

Мать Сяо и его мать были очень близкими подругами и договорились поженить своих детей, когда они родятся.

Хотя они не были родственниками, они оставались в тесном контакте после замужества, пока его мать не умерла.

Когда Ци Бэйнаню было четыре года, мать Сяо и её муж привезли маленького младенца к ним домой. Он не знал, о чём говорили старшие, но смутно помнил, что его отец был очень рад в тот день.

Он сказал ему, что ребёнок в пелёнках будет его фуланом и попросил его подержать.

Позже, когда они с отцом переехали из Цзянчжоу, они время от времени переписывались с семьёй Сяо, но через пару лет услышали, что мать Сяо тоже умерла.

Отец Ци, узнав эту новость, долго грустил и наказал ему усердно учиться, чтобы добиться

успеха и хорошо заботиться о его фулане, который также потерял мать в возрасте трёх лет.

Через год он услышал, что отец Сяо снова женился. В то время его отец уже был прикован к постели, и он читал письмо, сидя рядом с ним.

Позже, когда Ци Бэйнань постоянно переезжал, он помнил адрес семьи Сяо и писал туда письма, но никогда не получал ответа.

Он не знал, было ли это потому, что он часто менял место жительства, и письма не доходили до него, или потому, что его маленький фулан был неграмотен и ему было трудно ответить.

В конце концов, после долгих поисков и перипетий, они встретились снова через шестнадцать лет после первой встречи.

В то время шестнадцатилетний Сяо Юаньбао был слабым и бледным, сдержанным и робким.

Ци Бэйнань, увидев его, почувствовал боль в сердце.

Однако мачеха Сяо, узнав об их браке, стала жаловаться, что у Сяо Юаньбао слабое здоровье и он не сможет долго оставаться с ним, и пыталась выдать за него своего собственного младшего сына.

Он понял, что его фулан, потерявший свою родную мать, должно быть, жил нелегко все эти годы, и сожалел, что не приехал искать его раньше.

Супружеская жизнь была довольно гладкой. Они поладили и очень любили друг друга.

Ци Бэйнань, который полжизни провёл в скитаниях, очень дорожил вновь обретённым домом.

Вот только Сяо Юаньбао был нездоров и не мог переносить переезды, а в первые годы его службы он был очень занят, поэтому они часто были разлучены.

Он всегда думал, что как только он получит повышение и остепенится, всё наладится, и им больше не придётся расставаться.

Но всему есть свой срок, и не всё может ждать.

Подумав об этом, Ци Бэйнань почувствовал, как его сердце сжимается.

Внезапно он прервал свои мысли и быстро побежал обратно в комнату.

Из потайного отделения под столом он достал квадратную деревянную шкатулку. Когда он открыл чистую крышку, внутри лежал серебряный амулет с облачным узором, который носили на шее.

Глядя на знакомый серебряный амулет, его взгляд смягчился. Он осторожно погладил его, и его глаза внезапно стали решительными.

На этот раз он больше не будет скитаться в поисках знаний. Он поедет к нему как можно раньше.

—

<http://bllate.org/book/14487/1282036>